

И. С. Конев,
Маршал Советского Союза

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своем большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И. В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба А. И. Антонов и начальник Главного оперативного управления С. М. Штеменко.

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

— Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что, по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

— Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. В телеграмме перечислялся целый ряд предварительных мероприятий, которые проводились союзным командованием: создание группировки, стягивание войск. Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идет вовсю¹.

Из книги «Сорок пятый»

¹ Сейчас известно, что именно 1 апреля 1945 года премьер-министр Англии У. Черчилль направил президенту США Ф. Рузвельту послание, в котором высказывались такие соображения: «Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина. Для германского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдерживать осаду русских, то следует учесть, что, до тех пор, пока там будет развеваться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев.

Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников.

— Вон какой вы,— слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придется производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на Берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния.

Выслушав нас, Сталин сказал:

— Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-две, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утвержденными планами на руках.

Верховный Главнокомандующий предупредил, что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено.

Мы работали немногим более суток. Все основные соображения, связанные с предстоящей операцией, у Жукова, как у командующего 1-м Белорусским фронтом, были уже готовы. У меня тоже ко времени вызова в Ставку сложилось представление о том, как перегруппировать войска 1-го Украинского фронта с Южного на Берлинское направление и спланировать операцию.

Работали мы в Генштабе над своими планами каждый отдельно, но некоторые возникавшие и требовавшие согласования вопросы обсуждали вместе с руководящими работниками Генштаба. Речь шла, разумеется, не о деталях, а о вещах сугубо принципиальных: об основных направлениях, о планировании операции во времени и о сроке ее начала. Срок начала операции нас особенно беспокоил.

в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».

Вопрос Сталина, кто будет брать Берлин, телеграмма о том, что у союзников полным ходом идет подготовка к Берлинской операции, подсказывали: сроки готовности к операции надо максимально приблизить. Главная группировка 1-го Белорусского фронта была уже в основном готова и нацелена на противника, а у меня дело пока обстояло сложнее. После только что закончившейся Верхне-Силезской операции значительная часть наших сил все еще была стянута к левому флангу фронта. Требовались срочные и усиленные переброски.

2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами. Начальник Генерального штаба А. И. Антонов доложил общий план Берлинской операции. После этого был рассмотрен план 1-го Белорусского фронта. Никаких существенных замечаний Стalin не высказал. Потом я доложил план операции 1-го Украинского фронта: по нему тоже не было особых замечаний.

Очень внимательно обсудили и сроки начала операции. Я со своей стороны предлагал срок максимально жесткий для нашего фронта, с учетом того, что нам предстояло совершить большие перегруппировки.

Сталин согласился с этим сроком. Выдвигая свои предложения, я просил Ставку выделить 1-му Украинскому фронту дополнительные резервы для развития операции в глубину. Сталин ответил утвердительно и сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счет прибалтийских фронтов: Двадцать восьмую и Тридцать первую.

Тут же прикинули, смогут ли армии прийти в распоряжение 1-го Украинского фронта к тому сроку, на который мы установили начало операции. Выходило, что прибыть к этому сроку они не смогут: железные дороги не успеют перевезти.

Тогда я выдвинул предложение начать операцию до подхода этих двух армий имеющимися во фронте наличными силами. Это предложение было принято, и окончательным сроком, согласованным между командующими и утвержденным Ставкой, было установлено 16 апреля.

После утверждения планов зачитали проекты директив Ставки обоим фронтам; проекты были выработаны с нашим участием.

Попутно скажу о практике составления планов и директив, которая сложилась в Ставке. Как правило, командующий фронтом не только докладывал свой план, свои соображения по карте, но и до этого сам со своим штабом готовил и проект директив Ставки.

Исходя из общего стратегического замысла Верховного Главнокомандования, командование фронта полностью планировало операцию во всех аспектах, связанных с ее проведением, особо выделяя при этом вопросы, которые выходили за пределы компетенции фронта и были связаны с необходимой помощью фронту со стороны Ставки Верховного Главнокомандования.

Одновременно готовился и проект директив, в своем первоначальном виде отражавший взгляды самого фронта на проведение предстоящей операции и предполагавший, что фронтом будет получена от Верховного Главнокомандования соответствующая помощь. Количество и характер исправлений и дополнений, вносимых в такой проект директив, зависели от того, как проходило в Ставке обсуждение предложений фронта и насколько близки они были к окончательному решению.

Этот выработавшийся в ходе войны метод планирования, как тогда, так и сейчас, представляется мне разумным и плодотворным.

В директивах фронтам было сформулировано: овладение Берлином возлагается на 1-й Белорусский фронт; 1-й Украинский фронт должен был осуществить разгром противника в районе Котбуса и южнее Берлина. Предполагалось, что, наступая в западном и северо-западном направлениях, не позднее десятого—двенадцатого дня операции мы овладеем рубежом Белиц — Виттенберг, то есть рядом пунктов южнее и юго-западнее Берлина, и выйдем на Эльбу.

Фронт должен был наносить главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий.

На правом крыле фронта, на главном направлении, планировалось создать на участке прорыва плотность не менее двухсот пятидесяти стволов на один километр, для чего фронт усиливался семью артиллерийскими дивизиями прорыва.

В центре силами двух армий нам предстояло нанести удар на Дрезден, также с выходом к Эльбе.

На левом крыле фронт должен был занимать оборону. Левофланговая 60-я армия Курочкина передавалась в состав 4-го Украинского фронта, действовавшего, если можно так выразиться, на чехословацком направлении.

Кроме этих основных, принципиальных решений — о направлении удара, о составе группировок, о плотности артиллерии, — в Ставке больше ничего не обсуждалось. Все, что связано с материально-техническим обеспечением операции, решалось в обычном порядке, без специального обсуждения. К тому же фронт имел все необходимое в достаточном количестве.

В целом задача 1-го Украинского фронта сводилась к следующему: наступая южнее Берлина и содействуя его взятию, рассечь фронт немецко-фашистских войск надвое и соединиться с американцами.

В ходе Берлинской операции дело сложилось так, что армии 1-го Украинского фронта не только содействовали взятию Берлина, но вместе с войсками 1-го Белорусского фронта непосредственно активно участвовали в его штурме.

Возникает вопрос: рисовалась ли в перспективе такая возможность во время утверждения плана Берлинской операции в Ставке, и если рисовалась, то кому и в какой мере?

Мои размышления того времени сводились к следующему.

По первоначальному проекту Берлин должен был брать 1-й Белорусский фронт. Однако правое крыло 1-го Украинского фронта, на котором сосредоточивалась главная ударная группировка, проходило в непосредственной близости от Берлина, южнее его. Кто мог тогда сказать, как будет развертываться операция, с какими неожиданностями мы столкнемся на разных направлениях и какие новые решения или корректизы к прежним решениям придется принимать по ходу дела?

Во всяком случае, я уже допускал такое стечние обстоятельств, когда при успешном продвижении войск правого крыла нашего фронта мы можем оказаться в выгодном положении для маневра и удара по Берлину с юга.

Высказывать эти соображения я считал преждевременным, хотя у меня сложилось впечатление, что и Сталин, тоже не говоря об этом заранее, допускал в перспективе такой вариант.

Это впечатление усиливалось, когда, утверждая состав группировок и направление удара, Сталин стал отмечать карандашом по карте разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В проекте директив эта линия шла через Люббен и далее, несколько южнее Берлина. Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббен, находившемся примерно в шестидесяти километрах к юго-востоку от Берлина. Оборвал и дальше не повел. Он ничего не сказал при этом, но, я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов¹.

Для меня, во всяком случае, остановка разграничительной линии на Люббене означала, что стремительность прорыва, быстрота и маневренность действий на правом крыле нашего фронта могут впоследствии создать обстановку, при которой окажется выгодным наш удар с юга на Берлин.

Был ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность. Во всяком случае, не исключаю ее. Это тем более можно допустить, если мысленно вернуться назад, к тому времени, и представить себе, чем тогда был для нас Берлин и какое страстное желание испытывали все, от солдата до генерала, увидеть этот город своими глазами, овладеть им силой своего оружия.

Разумеется, это было и моим страстным желанием. Не боюсь

¹ Генерал армии С. М. Штеменко в статье «Как планировалась последняя кампания по разгрому гитлеровской Германии» (Военно-исторический журнал, 1965, № 5) рассказывает, что позже И. В. Сталин прямо заявил: «Кто первый ворвется — тот пусть и берет Берлин».

в этом признаться и сейчас. Было бы странно изображать себя в последние месяцы войны человеком, лишенным страстей. На-против, все мы были тогда переполнены ими.

На определении разграничительной линии, собственно говоря, и закончилось планирование операции. Директивы Ставки были утверждены.

Кстати сказать, впоследствии в печати и в некоторых художественных фильмах, поставленных еще при жизни Сталина, была допущена историческая неточность. В эти дни в Ставку вызвали только нас с Жуковым, а маршал К. К. Рокоссовский, командовавший 2-м Белорусским фронтом, был в Ставке позднее — 6 апреля.

2-й Белорусский фронт участвовал в разгроме берлинской группировки на северном приморском направлении, тем самым активно способствуя захвату Берлина. Однако утверждение части плана Берлинской операции, относившейся к действиям 2-го Белорусского фронта, состоялось на несколько дней позже, уже в паше с Жуковым отсутствие.

... Я вылетел из Москвы на следующее утро после утверждения директив Ставки. Оставшиеся после совещания день и ночь ушли на то, чтобы завершить ряд неотложных дел, связанных с предстоящим наступлением, и прежде всего касавшихся авиации, танков, боеприпасов, горючего и многоного другого. Кроме того, я был занят еще некоторыми проблемами, связанными с предстоящей переброской к нам 31-й и 28-й армий. Внимания к этому требовали и сами масштабы переброски, и большие расстояния передислоцирования.

И маршал Жуков и я — оба спешили и вылетели на фронт из Москвы, с Центрального аэродрома, с двухминутным интервалом. Теперь нам обоим предстояло, каждому на своем фронте, проводить ту часть Берлинской операции, которая была утверждена директивами Ставки.

Погода для полета была неблагоприятная. Над землей висели низкие апрельские туманы. Видимости никакой.

Летели всю дорогу слепым полетом. К концу дня, когда уже, казалось, не оставалось надежды добраться засветло, летчик все-таки пробился сквозь туман и посадил самолет в районе Бреслау, невдалеке от командного пункта фронта.

Когда перед тобой ставится ответственнейшая и трудная задача и ты принимаешься размышлять над тем, как лучше решить ее, конечно, очень важно прежде всего трезво оценить, какие препятствия и трудности встретятся при этом.

Думал об этом и я, вернувшись на фронт. Думал об этом так же, как, наверное, думали и все другие — каждый на своем месте. Напряженно работал штаб фронта.

Цель Берлинской операции заключалась в уничтожении группировки немцев, действовавшей на Берлинском стратегическом

направлении. Советским войскам предстояло разгромить группу армий «Висла», основные силы группы армий «Центр», затем взять Берлин и, выйдя на Эльбу, соединиться с союзниками.

Выполнение этих задач, по нашим представлениям, лишило бы Германию возможности дальнейшего организованного сопротивления. Таким образом, конечный результат операции связывался с победоносным завершением войны в Европе.

Готовясь к проведению этой крупнейшей стратегической операции, следовало учитывать ряд особенностей, и прежде всего вероятную силу сопротивления врага. Гитлеровское командование сосредоточило против советских войск для обороны имперской столицы и подступов к ней крупные силы, подготовило глубокоэшелонированную оборону с целой системой укреплений и всякого рода препятствий и на одерском рубеже, и на рубеже Шпрее, и на всех подступах к Берлину — с востока, юго-востока, юга и севера.

К тому же характер местности вокруг Берлина создавал немало дополнительных препятствий — леса, болота, множество рек, озер и каналов.

Нельзя было не считаться и с тем обстоятельством, что гитлеровское командование и немецко-фашистское правительство упорно вели политику на раскол антигитлеровской коалиции, а в последнее время прибегали к прямым поискам сепаратных соглашений с нашими союзниками, надеясь в результате этого перебросить свои войска с Западного фронта на Восточный, против нас.

Как теперь известно из истории, попытки Гитлера и его окружения добиться сепаратных соглашений с нашими союзниками не увенчались успехом. Мы и тогда, в период войны, не хотели верить, что наши союзники могут пойти на какой бы то ни было сговор с немецко-фашистским командованием. Однако в атмосфере того времени, насыщенной не только фактами, но и слухами, мы не вправе были абсолютно исключить и такую возможность.

Это обстоятельство придавало Берлинской операции, я бы сказал, особую остроту. И уж во всяком случае, нам приходилось считаться с тем, что, встав наконец перед необходимостью испить до дна горечь военного поражения, фашистские руководители предпочутут сдать Берлин американцам и англичанам, перед ними будут открывать путь, а с нами будут жестоко, до последнего солдата, сражаться.

Планируя предстоящую операцию, мы трезво учитывали эту перспективу. Кстати говоря, потом она на наших глазах превратилась в реальную действительность. Об этом свидетельствовали, например, действия 12-й немецкой армии генерала Венка, которая была просто-напросто снята с участка фронта, занятого ею на западе против союзников, и переброшена против нас для деблокирования Берлина.

Давая показания на Нюрнбергском процессе, фельдмаршал Кейтель был откровенным на этот счет. Он заявил, что уже с сорок

четвертого года гитлеровское командование вело войну на затяжку, ибо считало, что события в конце концов сработают в его пользу. Оно рассчитывало на возникновение таких неожиданных ситуаций, которые при военном союзе нескольких государств с разными социальными системами рано или поздно вызовут трения и разногласия в их коалиции. А ими с выгодой можно воспользоваться.

Тогда, в начале апреля сорок пятого года, карты немецко-фашистского командования еще не были раскрыты. Однако для нас было очевидным, что фашисты сделают все, чтобы заставить советские войска как можно дольше застрять под Берлином.

Политические расчеты гитлеровцев опириались в какой-то мере на чисто военные соображения и надежды. Гитлеровское командование проделало огромнейшую работу по укреплению подступов к Берлину и считало, что наша армия долго не сможет преодолеть все мощные инженерные барьеры, сочетавшиеся с естественными препятствиями и хорошо организованной обороной.

Подступы к Берлину действительно трудные. Взять хотя бы те же Зееловские высоты. Это крайне тяжелый рубеж, даже если мысленно отбросить все то, что понадела там немецкая военная инженерия. Да и сам Берлин — огромнейший, капитально построенный город, где почти каждый дом, по существу, готовый опорный пункт с кирпичной кладкой стен в метр-полтора. Словом, немецко-фашистским войскам, оборонявшим Берлин, еще хотелось верить в то, что они нас остановят под Берлином так, как мы их остановили под Москвой. И эту веру всячески подогревала гебельсовская пропаганда.

Итак, мы понимали, что немцы для защиты Берлина ничего не пожалеют и ни перед чем не остановятся, будут оказывать сильнейшее сопротивление. Советское командование сознавало, что Берлинская операция окажется крайне напряженной для нас.

Нам предстояло сломать оборону противника, стоявшего перед 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, северо-восточнее и юго-восточнее Берлина, то есть войска 9-й полевой, а также 3-й и 4-й танковых армий немцев. По ходу операции имелось в виду отрезать 4-ю танковую от 9-й армии, рассечь вражеский фронт на две части так, чтобы лишить неприятеля возможности маневрировать и подавать резервы с юга на север — к Берлину и от него. Гитлеровцы рассчитывали на затяжку действий. Мы, напротив, стремились к предельной быстроте. Продолжительность операции планировалась всего двенадцать — пятнадцать дней, чтобы не дать противнику возможности получить передышку, затянуть операцию или уйти из-под наших ударов.

Так рисовалось будущее, к которому нам предстояло готовиться. А на подготовку оставалось всего двенадцать суток, в течение которых надо было провести большую и сложную перегруппировку войск.